

Лу Цинцзю вел по дороге свой поменявший форму пикап. Более десяти часов ухабистого пути – и вот он снова в городе, который когда-то решил покинуть. За полгода тот почти не изменился – все те же высокие стеклянные громады, все тот же бесконечный поток машин. Та же оглушительная, динамичная суета.

Привыкнув к тишине сельской жизни, Лу Цинцзю почувствовал легкую отчужденность. В городе пикап стал куда смирнее – будто и сам был ошеломлен непривычным местом.

«Цинцзю, Цинцзю! Сюда!» — Чжу Мяомяо, уже ждавшая в условленном месте, бросилась к нему, размахивая руками.

Увидев ее, Лу Цинцзю подъехал ближе.

Чжу Мяомяо: «Как долго ты за рулем? Давай я поведу?»

Он выехал утром, а был уже вечер. Целый день в пути – должно быть, он измотан.

«Не нужно, — отозвался Лу Цинцзю, — я не так устал».

Он и не вел машину все время – пикап сам контролировал направление и скорость, а Лу Цинцзю даже успел вздремнуть, не выпуская руля из рук...

«Ну ладно, — согласилась Чжу Мяомяо. — Тогда поехали ко мне».

Лу Цинцзю кивнул.

Он прожил в этом городе много лет, но так и не обзавелся своим домом – снимал жилье. Решив вернуться в родные края, он расторг аренду. В эту поездку Лу Цинцзю планировал остановиться в отеле, но Чжу Мяомяо наотрез отказалась, заявив, что он будет жить у нее. К чему лишние хлопоты? Разве не удобнее в доме друга?

Не в силах переубедить ее, Лу Цинцзю сдался.

Припарковавшись в подземном гараже, Чжу Мяомяо повела его ужинать в небольшой ресторанчик по соседству. Привыкнув к домашней еде, Лу Цинцзю остро ощутил разницу во вкусе.

«Эх, у тебя дома готовят лучше, — вздохнула и Чжу Мяомяо. — В городской еде всегда чего-то не хватает».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Я привез тебе нашего изюма, домашнего. Очень вкусный, попробуй».

Чжу Мяомяо схватила щепоть и отправила в рот. Ее глаза округлились от удивления: «Обалдеть! Какой сладкий!»

«Да, — подтвердил Лу Цинцзю. — Приезжай еще в гости, как будет время».

Чжу Мяомяо улыбнулась и кивнула.

Друг целый день был в дороге, и она, позаботившись о нем, пораньше проводила его в гостевую комнату. Пожелав друг другу спокойной ночи, Лу Цинцзю умылся и прошел внутрь.

Девушка жила на двадцатом этаже в самом центре, недалеко от шумной торговой улицы. За окном свет фонарей и неоновых вывесок сливался в сияющее море, а фары нескончаемого потока машин на проспекте напоминали стремительную световую реку. Ночной город так разительно отличался от деревни Шуйфу, но каждый был прекрасен по-своему.

Лу Цинцзю недолго постоял у окна, наблюдая за этим сверкающим великолепием, а затем вернулся к кровати, готовясь ко сну. Завтра нужно рано встать.

На следующее утро его вырвал из мира грез звонок будильника. Чжу Мяомяо еще спала. Он тихо умылся и вышел из дома.

Спустившись в гараж, Лу Цинцзю завел пикап, и они вдвоем отправились на кладбище, расположенное на самой окраине города. Дорога туда заняла около часа.

Придя на кладбище, Лу Цинцзю купил благовонный палочки, бумажные деньги и букет свежих хризантем. Здесь царил глубокая тишина – не было ни праздника, ни поминального фестиваля. Воздух был торжественным и застывшим. Высокие сосны выстроились в безмолвный караул по обочинам дорожки, а низкие вечнозеленые кусты, всё еще хранящие капли утреннего тумана, касались его брюк, оставляя на ткани темные влажные следы.

Вскоре он нашел то, что искал – надгробие в дальнем углу кладбища.

Его родители умерли вместе и покоились вместе. Их имена сияли позолотой на черном камне, а выше – два черно-белых фото. Мужчина со снимка выглядел умным и благородным, женщина – нежной и прекрасной. Любой, кто видел их, назвал бы эту пару идеальной.

Лу Цинцзю положил к подножию камня свежие хризантемы и воткнул в землю тлеющие благовония. Присев на корточки, он начал медленно сжигать ритуальные деньги, листок за листком. Бумага сворачивалась в пламени, превращаясь в легкий пепел, который уносило в небо порывистым ветром.

«Мама, папа, я пришел проведать вас», — тихо сказал он.

Ответа, естественно, не последовало.

Лу Цинцзю продолжал, почти бормоча про себя: «Я вернулся в наш старый дом. У меня всё хорошо. Вам не о чем волноваться. Если что-то понадобится... передайте мне во сне. Я очень давно не видел вас в своих снах». Он сделал паузу, и когда заговорил снова, в его голосе проскользнула сдавленная хрипота: «Я даже не знаю... есть ли еще шанс найти вас».

Когда на горе близ деревни Шуйфу сошел оползень, его родителей погребло на той дороге заживо. Даже тел не нашли. Спасатели откопали лишь их личные вещи. Лу Цинцзю тогда не мог с этим смириться и ночью рванул в Шуйфу, одержимый безумной надеждой отыскать их своими силами. Лишь увидев грудой наваленных, будто божественной рукой, скальных плит, он осознал тщетность - человек перед лицом стихии ничтожен, как богомол, пытающийся остановить колесницу.

Сжигая деньги, он рассказывал родителям о мелких событиях своей жизни. Когда последний листок обратился в пепел, а слова иссякли, он протянул руку и коснулся холодной поверхности камня. «Мама, папа, я пойду. В следующем году на Цинмин я снова приду. Если будете скучать - дайте знать».

Как и всегда, мужчина и женщина на фотографиях безмолвно и нежно улыбались.

Лу Цинцзю собрал вещи и покинул кладбище. Едва он сел в машину, как зазвонил телефон. На экране - Чжу Мяомяо.

«Цинцзю, — послышался ее голос, — сегодня вечером будет ужин. Рабочий. Придут Юнь-гэ и остальные».

Лу Цинцзю: «Если рабочий, то мое присутствие излишне».

Чжу Мяомяо: «Не бойся, того, кого ты не любишь, не будет. Я всем сказала, что ты вернулся, все очень рады».

Лу Цинцзю на мгновение задумался: «Ладно».

Коллеги ему действительно нравились, они всегда хорошо ладили. Ушел он не по своей воле - его вынудили. Чжу Мяомяо и другие не знали подробностей; в той истории были скрытые моменты, которые Лу Цинцзю не хотел ворошить. Если того человека не будет, то почему бы и нет? Он принял приглашение. Местом встречи был ресторан недалеко от их бывшего офиса.

От нечего делать Лу Цинцзю отправился прогуляться по городу, чтобы купить гостинцев Инь Сюню и Бай Юэху.

На маленьком рынке в деревне Шуйфу выбор был скудным. Например, Лу Цинцзю нигде не мог найти жележных конфет, которые так обожал. Можно было заказать через интернет, но ехать в город за одной посылкой казалось непрактичным.

Теперь же он купил целую гору больших пакетов с этими конфетами. Загрузив их в машину, он невольно хлопнул по крыше семейного пикапа: «Ты сладкое ешь?»

У пикапа мигнули фары, а затем он коротко библикнул.

«Ага, ешь? — удивился Лу Цинцзю. — И где у тебя рот?»

С глухим шелчком приоткрылся капот. Лу Цинцзю заглянул внутрь — на месте двигателя была пустота. Капот был чище, чем багажник обычной машины... Зрелище получалось сюрреалистичным. Опасаясь посторонних глаз, Лу Цинцзю поспешно разорвал пакет и высыпал конфеты внутрь, захлопнув капот. Он уже хотел спросить, понравилось ли угощение, но тут его угольно-черный пикап вдруг замигал всеми цветами радуги — точь-в-точь как обертка от тех самых конфет.

Что это значило? Настолько вкусными они были, что машина меняла цвет?

Лу Цинцзю поспешно призвал пикап к порядку. Если их увидят — им конец. Только тогда тот успокоился. Показалось, что после съеденных конфет пикап двигался как-то бодрее обычного.

Около шести вечера Лу Цинцзю добрался до указанного места. В ресторане было много знакомых лиц. С легкой улыбкой он направился к их шумному столу.

«Цинцзю, ты вернулся!»

«Цинцзю, сопляк, наконец-то созрел, чтобы навестить нас!»

«Лу-гэ, иди сюда, садись!»

Его встретили теплыми возгласами. Лу Цинцзю был человеком мягким, но надежным и основательным, что снискало ему всеобщую симпатию. Его внезапное увольнение стало для всех шоком, а последующий отъезд из города в родную деревню породил множество пересудов.

Лу Цинцзю сел рядом с Чжу Мяомяо и улыбнулся: «Всем привет. Давно не виделись».

Его бывший наставник, Юнь-гэ, сидевший за тем же столом, с шумом хлопнул ладонью по столешнице: «Ах ты, щенок! Смылся, не попрощавшись, а теперь вернулся? Смотри, сегодня я тебя напою!»

Лу Цинцзю рассмеялся: «Юнь-гэ, пощади».

Чжу Мяомяо, сидевшая рядом, налила ему полный стакан: «Хватит трепаться. Сегодня тебе не отвертеться».

Тихая жизнь успокаивала душу, но и шумная, оживленная компания была кстати. Лу Цинцзю выпил лишнего, на его щеках проступил легкий румянец, а глаза стали влажными и блестящими. Чжу Мяомяо, хихикая, сказала, что пьяный Лу Цинцзю выглядит очень мило.

Лу Цинцзю: «Мужчин милыми не называют».

Он уже потянулся за бутылкой, чтобы налить еще, как вдруг оживление за их столом разом стихло. Подняв голову, он увидел человека в дверях.

«Зачем он пришел? — Чжу Мяомяо, лишь секунду назад подвыпившая, мгновенно протрезвела. — Он же сказал, что не будет!»

«Откуда мне знать, — ответил Юнь-гэ, явно запаниковав. — Но он действительно говорил...»

Чжу Мяомяо бросила на Лу Цинцзю тревожный взгляд. Выражение его лица почти не изменилось, лишь взгляд стал холодным и острым, как лезвие.

Человек был высок, с благородными, но жесткими чертами лица. Все за столом знали, что он и Лу Цинцзю не ладили.

Лу Цинцзю поднялся: «Я в уборную». — И направился прочь от стола, оставив Чжу Мяомяо нервно провожать его взглядом.

Его звали У Сяо. Он был начальником Лу Цинцзю, и они были полными противоположностями. У Сяо - талантлив, но характер имел отвратительный. Когда Лу Цинцзю только пришел в компанию, отношения были терпимыми. Но потом, по неведомой причине, У Сяо стал придирается к нему всё сильнее, превратив того в свою личную мишень. Чжу Мяомяо и другие догадывались, что увольнение как-то связано с У Сяо, но Лу Цинцзю никогда этого не подтверждал.

Закончив в уборной, Лу Цинцзю наклонился над раковиной, когда рядом прозвучал холодный, пропитанный отвращением голос: «Зачем ты здесь? Я же сказал - чтобы твоего лица я больше не видел».

Лу Цинцзю повернул голову: «Президент У».

У Сяо приблизился: «Думал, я шучу? Что ты сделал, чтобы Чжан Чуян переменял о тебе

мнение? Лу Цинцзю, будь я на твоём месте, я бы проявил ум и держался подальше от этой компании подальше».

Лу Цинцзю выпил немало, но ум был ясен, как никогда. Он посмотрел на У Сяо и слабо улыбнулся: «Президент У, а вам неинтересно, откуда я узнал все те вещи о вас?»

У Сяо настороженно замер.

«Хотите, расскажу?» — Лу Цинцзю усмехнулся. Алкоголь сделал его обычно мягкий характер колким и резким. Его холодный, насмешливый взгляд заставил У Сяо невольно отвести глаза.

«Что ты можешь рассказать? Только сплетничать мастер!» — выпалил У Сяо.

Лу Цинцзю усмехнулся и кивком указал на дверь: «Пойдемте со мной».

У Сяо, взбешенный такой наглостью, двинулся следом. Они вышли из ресторана один за другим, к ужасу наблюдавшей за ними Чжу Мяомяо.

«Они ушли! Что они собираются делать? — воскликнула она. — Пойду за ними, вдруг он Цинцзю побьет? У Сяо на голову выше!»

Юнь-гэ удержал ее: «Не лезь. Не надо вмешиваться. Президент У - не плохой человек, просто характер у него скверный. Они не подерутся».

Чжу Мяомяо: «Ты уверен? Почему он так его ненавидит?..»

Юнь-гэ: «Откуда мне знать».

У Сяо был их прямым руководителем. Быть мишенью для начальника - удовольствие сомнительное. До сих пор никто не понимал, за что тот возненавидел Лу Цинцзю и придирался к нему при каждом удобном случае.

Лу Цинцзю сел в свою машину, припаркованную у обочины, но У Сяо грубо схватил его за руку, приказывая вылезать.

«Что? — в голосе Лу Цинцзю прозвучало нетерпение. — Я же сказал, отвезу вас в одно место».

У Сяо: «Черт подери, и ты собрался ехать в таком состоянии?»

Лу Цинцзю забыл об этом - он уже привык, что его пикап послушно открывает перед ним заднюю дверь. Многие из его водительских привычек разладились, и в будущем это

непрерывно нужно будет исправить.

У Сяо сидел за рулем с мрачным выражением лица. Он спросил, резко выдохнув: «Куда едем?»

Лу Цинцзю: «Ко входу в офис».

У Сяо: «...» Он хотел что-то сказать, но сдержался. Лишь выражение его глаз становилось всё тяжелее, а взгляд, которым он окидывал Лу Цинцзю, словно оценивал пациента психиатрической клиники.

Лу Цинцзю был слишком пьян и ленив, чтобы что-либо объяснять. Голова гудела, мысли плыли. Он произнес, почти не задумываясь: «Президент У, а вам доводилось видеть призраков?»

У Сяо, не отрывая рук от руля, усмехнулся: «Что? Собрался все списать на привидение? Ха, разве бывают на свете призраки-сплетники?»

Лу Цинцзю уловил в его словах нечто важное: «Значит, вы их видели?»

У Сяо на миг замер, затем нерешительно кивнул: «В детстве».

Да, раньше он действительно сталкивался с нечистью. В детстве – часто, и каждый раз после этого ему становилось дурно. Семья нашла знающего человека, и тот сказал, что восемь иероглифов его судьбы слишком «легкие», но с возрастом всё наладится. Так и вышло: повзрослев, он больше никогда не видел ничего подобного.

«Неудивительно», — пробормотал Лу Цинцзю.

У Сяо: «К чему это ты?»

Лу Цинцзю ничего не ответил, лишь лениво откинулся на спинку пассажирского сиденья: «Если скажу – всё равно не поверите. Подождем, пока доедем. Тогда всё поймете».

У Сяо сжал губы, в его глазах читалось сильное недовольство. Он считал Лу Цинцзю беспринципным сплетником, а его лёгкий и утончённый образ – лишь искусной маской. Откуда такое впечатление? Он не раз подслушивал, как Лу Цинцзю (как ему казалось) перемывал косточки коллегам в уборной. В последний раз речь шла о самых секретных проектах компании. Тогда У Сяо вынудил Лу Цинцзю уволиться, заявив, что если тот не уйдёт сам – его уволят.

Лу Цинцзю просто молча собрал вещи, не оспаривая решение начальства. Это лишь укрепило У Сяо во мнении: перед ним – подлый, лицемерный тип. Таких он ненавидел больше всего, а

потому, встретив Лу Цинцзю, даже не счёл нужным сохранять какие-либо приличия.

Лу Цинцзю не собирался ничего прояснять до конца пути. У Сяо, резко заглушив двигатель на парковке у офиса, сердито бросил: «Ну? Что ты хотел сказать?»

Лу Цинцзю: «Пойдёмте».

Он вошёл в здание, подошёл к лифту и нажал кнопку. Нахмурившись, У Сяо последовал за ним. Пусть посмотрит, на что способен этот проходимец.

Лифт поднялся на нужный этаж. Из-за вечернего корпоратива большинство сотрудников уже разошлись, лишь несколько человек задерживались на переработке. Охранники у входа, удивлённо вытянувшись, выкрикнули: «Добрый вечер, президент У!»

У Сяо кивнул и, теряя последние крохи терпения, процедил: «Что ты задумал?»

Лу Цинцзю, не оборачиваясь, двинулся вперёд. Они прошли длинный безлюдный коридор и остановились у знакомой двери служебной уборной. Лу Цинцзю толкнул её и сделал У Сяо изящный жест «прошу».

Лицо президента на мгновение исказилось. «И что это значит?»

Лу Цинцзю безмятежно моргнул: «Разве вы не ждали ответа? Сейчас получите».

У Сяо: «...» Ответ - в туалете? Он с подозрением взглянул на Лу Цинцзю, пытаясь понять ход его мыслей. По щекам необъяснимо разлился румянец: «Я не люблю мужчин, ясно?»

Лу Цинцзю: «...» Он был искренне поражён извилистым поворотом мысли начальника и потому просто вошёл первым.

У Сяо поколебался, но, раз уж зашёл так далеко, переступил порог.

В уборной было большое окно с полуприкрытыми жалюзи. Под тусклым светом потолочных ламп царил знакомая, не слишком приятная атмосфера.

«Я здесь, — сказал У Сяо. — Где ответ?»

Лу Цинцзю глубоко вздохнул, подошёл к окну и позвал: «Старое дерево! Ты здесь? Не спишь?»

У Сяо: «...»

Лу Цинцзю: «Просыпайся же, старина!»

У Сяо смотрел на него с нарастающим ужасом – кажется, этот человек окончательно спятил.

Лу Цинцзю игнорировал его. Он позвал ещё несколько раз, и через пару минут из дальней кабинки раздался голос – точь-в-точь его собственный. Голос отозвался: «Цзю-эр? Ты вернулся?»

Ужас в глазах У Сяо готов был материализоваться. Его рот приоткрылся. Дрожащей рукой он указал то на Лу Цинцзю, то на кабинку, безмолвно вопрошая: «Что происходит? Почему там говорит ещё один ты?»

Лу Цинцзю пожал плечами, подошёл к кабинке и распахнул дверь. Та была пуста – ни души, а уж тем более второго Лу Цинцзю.

«Что за чертовщина?!» — выдохнул потрясённый У Сяо. Он никогда не поверил бы в такое, не услышь всё собственными ушами.

«Старое дерево, — с театральным вздохом произнёс Лу Цинцзю, — я же просил: когда сплетничаешь, не пользуйся моим голосом. Ты мне жизнь испортил».

«Ха-ха-ха... — голос Лу Цинцзю снова раздался из кабинки, на сей раз слегка смущённо. — Откуда мне было знать, что найдётся тот, кто услышит МЕНЯ? Я был немного неосторожен в этот раз, да?»

Лу Цинцзю: «Вот видишь. Из-за тебя меня неправильно поняли».

Старое дерево замялось.

Этот древний дух обитал здесь с тех пор, как Лу Цинцзю устроился в компанию. Однажды в уборной он услышал, как кто-то шепчет пикантные сплетни, но голос был незнакомым, а в компании так никто не говорил. Желая выяснить источник, Лу Цинцзю подолгу дежурил в кабинке, пока не осознал неладное: в уборной кроме него никого не было.

Заподозрив нечто сверхъестественное, он позвал коллегу, но тот ничего не слышал. Тогда Лу Цинцзю понял: голос принадлежал не человеку. Со временем он выяснил, что это дух старого дерева у входа в здание. Дерево, в свою очередь, осознало, что Лу Цинцзю может его слышать. Так они понемногу подружились.

Изначально голос духа был странным и безличным, но после знакомства с Лу Цинцзю тот стал намеренно копировать его манеру речи. Говорят, среди древесных духов это высший знак симпатии. Лу Цинцзю не придал этому значения – и не ожидал грядущих последствий.

У Сяо не обладал такой чувствительностью к потустороннему, поэтому редко слышал бормотание дерева. А дерево, меж тем, знало все самые сокровенные тайны компании: кто взял отгул на пластическую операцию, кто подхватил дурную болезнь после визита к жрицам любви... И делилось этими сплетнями, используя голос Лу Цинцзю. Незнающий правды У Сяо, подслушав такое, естественно, сделал неверные выводы.

Он счёл Лу Цинцзю бессовестным болтуном и вынес ультиматум: увольнение или добровольный уход «по-тихому». Лу Цинцзю выбрал второе - и теперь У Сяо наконец понял, что эта отставка была чистой воды несправедливостью.

Выслушав объяснения, У Сяо смутился ещё сильнее: «Прости... я не думал, что в мире существуют подобные вещи».

Лу Цинцзю беспомощно взглянул на него: «Я разве похож на любителя посплетничать?»

У Сяо, подумав, ответил: «Ну... в какой-то мере?»

Лу Цинцзю: «...» Ладно. Лишь бы вы были довольны.

Автору есть что добавить:

У Сяо: «А ещё этот Лу Цинцзю, с его густыми бровями и большими глазами*, рассказывал всем, что у меня геморрой!»

Лу Цинцзю: «Я не такой! Я никогда...»

[Яркое, выразительное лицо.]

<http://bllate.org/book/15722/1506620>